

AN: Вот мы и пришли! После этого у нас осталась еще одна глава Пролога! Это значит, что мы почти добрались до основной истории. Надеюсь, вам всем понравится, и простите, если будет грустно ;-;

В тот момент, когда Не-Ванелла втащила Люциана в дверь, непроглядная чернота исчезла.

Люциан резко и громко вдохнул, ласкающее тепло, смешанное с приятным холодом того места, где он был, больше не существовало.

Он вырвался из царства дурмана.

Перед его открытыми и осознанными глазами по-прежнему стояла темнота, но это была чернота беззвездного ночного неба.

Его движения были отрывистыми и слабыми, когда он поднимался с земли, на которой лежал.

Факелы размером с взрослого человека были подняты далеко в воздух.

Эти световые маяки возвышались над Люцианом, едва освещая небо и землю.

Этого было достаточно, чтобы мальчик смог осмотреть себя.

Он был облачен в доспехи.

Жесткая оболочка из металла, разделенная на сегменты только для того, чтобы его конечности могли свободно двигаться. Почти каждая точка и край были покрыты лезвиями или заточены.

Если обнять кого-нибудь, то он разлетится на куски.

Незнакомая тяжесть шлема покоилась на его черепе, сидя так естественно, что Люциан удивился, почему у него никогда не было такого предмета.

" Потому что ты крестьянин, смертный. Только воин знает, что такое доспехи", - глубокий голос доносился из темноты, из теней, которых не могли коснуться факелы.

Поспешный шаг Люциана в сторону от голоса едва не привел к падению вниз: его нога наступила на внезапно хрустнувшую и немного податливую почву. Успокоившись, мальчик посмотрел вниз - "Что...", - прошептал он.

И увидел, что сама земля состоит из костей. Сотни тысяч костей.

Оглядываясь во все стороны, Люциан видел останки людей и нелюдей. Несметное количество мертвецов простиралось насколько хватало глаз. Он стоял над несметным морем смерти.

Это зрелище вызвало у Люциана лишь тихий вздох, но глубокий смех голоса из темноты.

" Твой страх предает тебя", - Люциан повернулся в сторону голоса, в глубокую тьму окружающего его пространства.

Голос продолжал дразнить его.

" Я всегда думал о твоём жалком подобии лучше. Полагаю, ты самый слабый из всех, самый

маленький из помета". Большие светящиеся глаза пробились сквозь пелену тени.

"Слабак" Это были глаза гнева и непреодолимой ярости.

В их присутствии Люциан фактически встал во весь рост, его спина выпрямилась в крайнем неповиновении. Кто был этот голос, чтобы судить его?

Факелы мерцали.

Кто был этот неизвестный человек, который назвал его таким?

Сила просачивалась в источники красного света.

Какое право оно имело?

Тьма отступила, когда свет проник в нее, открыв огромную грудку черепов.

Грудка, забравшаяся в самую гущу теней.

Однако Люциан смог различить две очень большие ноги, обутые в почерневшие медные доспехи. Чем бы ни было это существо, оно сидело, удобно устроившись и, казалось, скучая.

Тогда Люциан обратился к нему с первыми словами, пришедшими на ум.

"Покажись!" Существо не ответило.

"Покажись!" Люциан закричал громче: "Покажись!".

Ноги зашевелились, но в конце концов не сдвинулись с места.

Гнев, раскаленный до бела и не имеющий направления, охватил все тело Люциана.

Затем наружу вырвался великий рев, который исходил из самого первобытного места внутри него самого.

"Покажите себя!"

Факелы запылали ярче, и тени снова забегали по грудке черепов.

И то, что увидел Люциан... был трон.

Сделанный из черепов. Человеческих. Пришельцев. Орков. У одних на гладкой кости были вырезаны символы. Другие были скручены и искажены, на них невозможно было смотреть дольше нескольких секунд.

Фигура, занимавшая этот трон? Бронированное чудовище, открытое до пояса... Оно издало глубокий смешок. Рука в перчатках поднялась со своего места и погладила клинок, лежащий на коленях существа.

Люциан не заметил меча.

Его взгляд не отрывался от красных глаз, лицо и форма существа по-прежнему были скрыты от него тенью.

"Я ожидаю великих свершений, смертный..." И кости под ногами Люциана начали

расходиться.

Он не успел даже вскрикнуть от удивления, как море мертвых поглотило его целиком.

" Великие дела..." Остус Барроу был еще жив.

Он знал это, потому что его легкие делали вдох, глаза оставались открытыми, а тело конвульсивно билось в отголосках боли.

Его некогда могучее тело не могло оторваться от того места, где оно лежало, насаженное на кол. Толстые стальные шипы были вбиты в его руки и ноги, удерживая его на месте.

Чтобы выбраться из такой ситуации, потребовалось бы невероятное количество силы. Силы, которой он не обладал.

Не говоря уже о том, чтобы пробиваться сквозь несметное количество фигур в капюшонах.

Насколько Остус мог видеть, будучи болезненно прижатым к земле расчищенного поля, культисты располагались в большом круге вокруг центральной точки.

Группы выступали наружу, одинокий член группы значительно опережал своих еретических товарищей. Все они были направлены к старому каменному столу, который лежал прямо перед головой Остуса.

На поднятой платформе лежало связанное по рукам и ногам тело Люциана.

Остус услышал звук приближающегося автомобиля.

Послышались разговоры и восклицания.

Он надеялся, что это гвардия, наконец-то приехавшая спасти его и других невинных, прикованных к полу. Остус не мог видеть всех, но он мог различить болезненные стоны по меньшей мере еще семи человек.

Его мысли переключились с надежды на свободу на более глубокое беспокойство и страх.

Если это было имперское присутствие, он ожидал лазерного огня и взрывов.

Вместо этого часть толпы, которую он мог наблюдать справа от себя, расступилась, позволяя высокой фигуре с конечностью в руках приблизиться к каменному алтарю.

Когда они были уже в нескольких футах от него, Остус смог разобрать, кого несут эти чудовища.

Люциан, лишенный рубашки.

"Отпустите его!" - попытался прорычать он, но вышло слабо и хрипло. Фигура, несущая молодого Люциана, проигнорировала его, положив неподвижного мальчика на алтарь.

Один из замаскированных ублюдков все же ответил на его крик. Форман получил удар ногой, от которого изо рта хлынула кровь и несколько зубов.

Зрение помутилось, голова поплыла, но Остус все же сумел расслышать шепот и шелковистые тона.

Он не смел сосредоточиться на словах, чтобы не лишиться свой разум здравомыслия.

Эта ведьма в плаще, должно быть, сказала что-то еретическое. В тот момент, когда она закончила свои слова, символы невыразимого языка засветились фиолетовым светом на каменном сооружении.

И в этот момент Люциан начал биться в конвульсиях и метаться, борясь со своими оковами.

Ведьма вернулась в свой шабаш.

Несколько отвратительно тихих минут предатели стояли молча.

Затем начались песнопения. Мягкое и сосредоточенное, оно доносилось откуда-то издалека, далеко за пределами видимости Остуса, и в конце концов достигло центра круга.

И тут в голову Остуса Барроу пришла ужасная мысль.

Может, он пока и жив, истекает кровью и ранен... Но если посмотреть на ситуацию вокруг... Все выглядело не лучшим образом.

"Это выглядит не очень хорошо", - пробормотал Кайус, опуская магнокуляр от глаз.

Полтора часа назад они преследовали таурокс Еретика во внешнем кольце города. Потеряв их на некоторое время, Линвуд заметил, как они на скорости выехали на поля Гелиоса.

Куда бы они ни везли мальчика, это было во внешних поселениях. Фермеры.

Их поджидало несколько засад, но здоровый огонь болтеров или протекторы прилично бронированного "Таурокса", на котором они ехали, сослужили им хорошую службу.

Затем они достигли первой из фермерских общин.

Даже издалека они могли определить его судьбу.

Яркие огни на горизонте оказались, как они и предполагали, горящими домами тех, кто трудился на полях.

На столбах с указателями, разбросанных среди полей и дорог внешних общин, висели тела.

В основном мужчины.

"Этот культ... как он распространился так далеко?" спросил Кайус.

У Линвуда не было ответа на этот вопрос. Он предполагал, что инквизитор мог бы ответить, но они, скорее всего, никогда об этом не узнают.

Мимо них пронеслось зрелище, едва не остановившее их на пути.

Большое дерево горело. Его ветви и сучья были охвачены пламенем. Дым поднимался к горизонту.

Но не дерево привлекло их внимание.

А лишь то, что освещал большой костер.

Оба устремили свои взоры на тело обнаженной девушки, склонившей голову вперед со вздернутыми вверх руками. Длинные волосы покрывали переднюю часть ее тела... и вырезанную там звезду Хаоса.

Линвуд молился, в то время как Кайус восклицал от ненависти и злобы.

Они проехали еще через две общины в похожих условиях.

Линвуд напряженно всматривался в горизонт, ища хоть какие-то признаки активности или движения.

Кайус перебрался в среднюю кабину "Таурокса" и открыл люк на крыше, чтобы забраться наверх и воспользоваться парой найденных им магнитных окуляров.

Конечно, младшему арбитру удалось обнаружить их жертву после нескольких медленных проходов по равнине.

"Сколько их?" Линвуд присел на землю рядом с машиной, вооружившись тем количеством оружия, которое мог унести без ущерба для своего темпа.

Он предпочитал готовиться к бою вне замкнутого пространства "Таурокса", позволяя ночному ветру ласкать ту кожу, что у него осталась.

"Тысяча... плюс-минус", - во рту у Кайуса пересохло, даже когда слова покинули его.

Они вдвоем... вооруженные, как они были, против тысячи культистов.

"Оружие?" спросил Линвуд, гадая, с каким арсеналом им придется столкнуться.

Кайус снова поднял магнитофон.

"Я вижу лазерные винтовки... лазерные пистолеты... и достаточно острых предметов, чтобы спонсировать вторжение орков", - Кайус посмотрел вниз на своего коллегу.

Линвуд обдумывал ситуацию, и Кайус подчинился его мнению.

Старший инспектор посмотрел на город, видневшийся на горизонте, а затем обратно на далекое сборище сектантов.

Через минуту-другую молчаливого размышления Линвуд заговорил.

"Наш долг перед народом Гелиоса и Императором человечества - остановить этих предателей, пока они не преуспели в своей гнусной цели", - Кайус моргнул, ему потребовалось немало времени, чтобы переварить эти слова.

Однако Линвуд не закончил.

Он повернулся лицом к Кайусу, его взгляд был настолько торжественным и спокойным, что младший инспектор почувствовал, как глоток воздуха покинул его без добровольного разрешения.

Линвуд улыбнулся: "Империи построены на крови мучеников, друг мой, - улыбка Линвуда не сходила с лица, даже когда он вновь встретился взглядом с их целью, - Мы прибудем сюда с праведной яростью Императора на спине. Мы заберем ребенка и вернем его инквизитору..."

Линвуд собрал с земли вокруг себя все необходимое оружие, в первую очередь гранаты и взрывные заряды, которые таурокс носил с собой.

Он двинулся к боковому люку, готовый войти в машину.

"Мы сделаем это, Кайус Хеликс, или..." "Или мы умрем, пытаясь", - Линвуд перевел взгляд на Кайуса, с которого исчез обычный слой апатии. Решимость и сила пронзили его черты. Воля, закаленная как железо.

Линвуд подумал, что однажды из него получился бы отличный маршал.

Вместо этого он предложил: "Вот это дух, мой друг", - ухмыльнулся Кайус, пригнувшись с крыши и собирая гранаты, которые Линвуд начал передавать ему.

"Так каков план?" Кайус по-прежнему отличался от старшего.

Линвуд не упустил возможности подтрунить над своим другом.

"Расскажи мне. Какую часть "Праведной ярости" ты не понял?"

Кайус недолго тер глаза одной рукой, складывая гранаты на поясе. Как и Линвуд, он теперь носил достаточно взрывчатки, чтобы сравнять с землей укрепленную позицию врага... или прервать коварный культ Хаоса в разгар очень опасного ритуала.

Кайус не мог удержаться от усмешки.

"Линвуд улыбнулся в последний раз, и на его обычно пассивном лице появилось приветливое выражение, а затем в нем проснулся чистый профессионализм.

У них была работа. Очень опасная работа, которая может унести жизни обоих.

"Сначала мы свяжемся с инквизитором, сообщим ему, где мы находимся и что нашли. Если мы потерпим неудачу...", - остаток предложения остался незаконченным.

Оно и не требовалось.

"Наша первая цель - их тауроксы. Затем мы проредим толпу. Я побегу за мальчиком, пока ты гарантируешь мне свободный проход с крыши". "Значит, лазерная винтовка", - кивнул Кайус, доставая указанное оружие.

Линвуд уже двигался обратно к кабине водителя их верного "Таурокса".

"Давненько я не пользовался подобным", - пробормотал про себя Кайус, положив винтовку на бок и потянувшись за вокс-кастером.

Небольшая крепость-убежище Арбитрес была наконец отвоевана имперскими войсками.

То, что осталось от обезумевших членов культа, сражалось с постоянно наступающим PDF. Их отступники объединились в группы и создавали чертовски неприятные условия.

Штурмовая волна сионов Темпестуса и валькирий, на которых они прилетели, разгромила эту неприятность.

Это были силы Инквизиции, обрушившие славный адский огонь на прорванные ряды Еретиков.

Арбитры и НДСФ теперь имели доступ к более обширной части своего арсенала, и Сионы уже переходили к следующему набору приказов. Пока капитаны и руководство PDF отдавали приказы о пополнении боеприпасов и заново согласовывали планы сражения, Сион двигался. Молча переформировавшись в различные отряды и подразделения, штурмовики в шлемах начали рассредоточиваться по городу. Они преследовали выживших членов культа или выслеживали заранее намеченные места.

Многие умрут в эту ночь. Прибыл очищающий огонь Императора. Страх охватил всех.

Шпили горели. Лазерный огонь вспыхивал между улицами и хаб-блоками.

Затем громко и четко прозвучало объявление Вокса.

"Верные мужчины и женщины Гелиоса", - продолжали наступать сионы. Валькирии начали кружить в небе, выискивая цели то высоко, то низко среди многочисленных шпилей столицы Гелиоса.

По всему району Центрального Улья бои охватили почти все уровни.

Многие мужчины и женщины из НДСФ поворачивали головы туда-сюда, пытаясь найти говорящего.

Находясь в безопасности в своем "Тауроксе", Ахмаззи обратился к верным защитникам города.

Вокс-кастеры, установленные на зданиях, даже те, что использовались для оглашения молитв Эклезиархии, были временно перенастроены, чтобы передать сообщение Охотников за демонами по всему городу.

Каждый дом, каждая улица, каждый улей и шпиль - слово Инквизиции должно было быть услышано.

"Говорит инквизитор Ахмаззи. Будьте готовы к выполнению поставленной задачи, мои братья и сестры. Враг нанес нам сокрушительный удар. Не падайте духом от страха! Встаньте и сражайтесь! Сражайтесь за своих друзей! Боритесь за свою семью! Сражайтесь за своих детей, сражайтесь друг за друга! Верные граждане Гелиоса, я призываю вас сражаться за Империиум! Сражаться за Того, кто сидит на троне Терры! За Императора!"

Ахмаззи отщелкнул вокс-кастер.

Эта речь, произнесенная стариком в маленьком транспортном средстве под недоверчивым взглядом его помощника, войдет в историю Гелиоса.

Ахмаззи знал, как сплотить силы. В этот момент каждый верный житель Улья нашел в себе мужество, как бы глубоко оно ни было зарыто.

Многие умрут этой ночью.

Но предателей больше не будет.

"Милорд Инквизитор" Охотник на демонов ответил водителю, который говорил с задней кабиной его Таурокса: "Да, Колтус" "Я получаю сообщение от двух Арбитров, которые утверждают, что находятся под вашим командованием, милорд" "Пропустите их!" поспешно приказал Ахмаззи.

Ему нужно было знать, где они находятся и что происходит.

Мальчик.

Если они не найдут мальчика, он боялся, что спасение города окажется напрасным.

Его Вокс-линия на мгновение затрещала.

" Инквизитор, это Линвуд Декулус" "Вы нашли мальчика Арбитры?" потребовал Ахмаззи.

" Да, милорд. А также то, что проводится какой-то ритуал Хаоса", - при этих словах Денекс резко вдохнул.

" Мальчик находится в центре этого. Похоже, пока что он жив". "Но свободен от влияния Искажения?" - пробормотал Денекс, но Ахмаззи заставил его замолчать, обдумывая свой ответ.

"Арбитры, то, о чем я собираюсь вас попросить, не такая уж маленькая задача..." Его прервал другой голос на другом конце Вокса: "Если вы собираетесь сказать нам, чтобы мы сорвали этот ритуал, попытались спасти мальчика, убили как можно больше культистов или все три эти вещи..." Это был Кайус Хеликс, младший арбайт, говоривший так неуважительно.

"- Мы намного опередили вас, милорд" Раздался легкий шум и звук, похожий на телесный удар.

Голос на другом конце изменился.

" Мой Лорд", - Линвуд вернулся к вокс-связи, - "Мы замедлим их, как только сможем, но шансы не в нашу пользу. Этот ритуал находится за пределами города, в сельских фермерских общинах. Я высылаю вам приблизительное местоположение" Координаты были переданы в течение следующей секунды.

Ахмаззи отправил их водителю, но продолжал говорить с арбайтами.

"Вы - заслуга Императора и Его Империиума, Энфорсеры. Ваша преданность своему долгу отмечена. Весь Гелиос будет знать о ваших деяниях". Тишина.

" Спасибо, милорд" И это было последнее, что сказал Линвуд, прежде чем прервать связь.

Ахмаззи переключил связь на пилота своего Таурокса.

"Мне нужны были четыре "Валькирии" здесь десять минут назад, Колтус. Свяжитесь с командиром "Сиона", мне нужно, чтобы он и три его лучших отряда сопроводили нас к переданному месту". "По вашей воле", - подтвердил водитель.

Ахмаззи и Денекс встали как один, быстро покинув салон "Таурокса".

Город теперь мог справиться сам.

Настоящая миссия была в Полях.

Когда Люциан наконец почувствовал, что перестал падать, он открыл глаза.

Зрелище, представшее перед ним, если его можно описать одним словом, было обескураживающим.

Он стоял на вершине белой каменной лестницы, на самом верху, а перед ним, расставленные в разных направлениях и ориентациях... другие лестницы.

Каждая из них соединялась с другой, независимо от того, позволяла ли гравитация пройти такой путь. Абсолютно белая структура всего этого совершенно поразила юношу.

'Где я?' Люциан почесал затылок, сощурился, глядя вверх, вниз, влево и вправо.

'Для чего... нужно такое место?' Сначала Не-Ванелла, потом мир костей... а теперь этот сверхзапутанный Лабиринт со странными направлениями и бессмыслицей.

Все видимое пространство светилось неземным голубым светом, давая достаточно света, чтобы видеть далеко вдаль извилистые тропинки и петляющие дороги.

Было видно и небо - извилистая масса голубых и фиолетовых вихрей, закручивающихся и наматывающихся друг на друга.

Люциан никогда прежде не видел такого неба.

Осторожно ступая, он подошел к краю Лабиринта, и зияющая пропасть тьмы, встретившая его, заставила его нервно отступить назад.

Инстинктивное любопытство гнало его вперед, но страх перед этой дикой неизвестностью заставлял его отступать назад.

В этом странном мире не было никаких звуков, кроме его собственного дыхания.

Поэтому он сделал самое естественное, что мог придумать.

Он закричал в тишину.

"Ауууу?"

Люциан не знал, чего он ожидал. Какого-то ответа?

Странной фигуры, которая явится ему?

Каким бы ни было это странное место или сон, мальчик надеялся, что в нем будет столько же смысла, сколько и в других.

Однако его встретило лишь гулкое эхо его вопроса, разнесшееся по тихому, бесчисленному лабиринту лестниц, бросающих вызов реальности.

Плечи Люциана слегка опустились.

Возможно... Возможно, он должен был найти выход отсюда?

Не имея ничего другого, он нашел ближайшую лестницу, ведущую вверх, и начал подниматься по ней.

"Доберусь до самого верха, - подумал он про себя, - может быть, мне удастся найти ясную линию обзора, как на дереве старика Краннога! На вершине этой первой лестницы перед ним возникла развилка дороги.

Два странных темных коридора, ведущих в двух разных направлениях. Сами коридоры были окутаны тьмой, но Люциан мог видеть свет в конце каждого прохода.

Но какой из них выбрать. Он не мог видеть ни вокруг, ни над проходами, только то, что тот, что слева, заканчивался лестницей, ведущей вверх.

Поэтому Люциан выбрал левый.

Пробираясь сквозь темноту, он решил попробовать позвать еще раз. Может быть, эхо его голоса в туннеле поможет?

...даже если это место казалось совершенно необитаемым.

"Алло? Есть кто-нибудь?"

Несмотря на то, что его голос донесся значительно дальше, чем раньше, ответа или отклика не последовало.

Только тишина.

Люциан нахмурился. Он ускорил шаг, неуклонно приближаясь к концу туннеля. Выйдя из другого конца, он посмотрел на лестницу и - Люциан задрал голову вверх, заметив нечто крайне тревожное.

Между щелями в структуре Лабритина исчезли фиолетовые и голубые вихри, составлявшие небо. Катящихся волн и бурных потоков туманных цветов больше не было. Вместо этого небо поглотила непроглядная чернота, которую он видел под собой.

Быстро переместившись на край своего плато, Люциан посмотрел вниз и увидел... "Что, во имя Императора, происходит", - подумал юноша.

Под ним было небо, на которое он смотрел раньше. Вихри и переливы калейдоскопа голубых и фиолетовых оттенков теперь составляли... Мир перевернулся, пока он был в туннеле.

Люциан пришел к выводу, что он должен перевернуться обратно, если он проследит за своими действиями.

Повернувшись, он намеревался вернуться назад тем же путем, каким пришел.

...но на месте недавно пройденного прохода оказалась сплошная стена из белого камня.

Однако камень не был гладким и голым, как все остальное в этом проклятом месте.

В центре его поверхности красовались слова.

"Принадлежит тебе, но все им пользуются" Люциан нахмурился.

Это была загадка. Ему задали загадку?

"Почему?" Это все, что он смог сказать. Какой в этом был смысл?

Юноша хмыкнул и повернулся в сторону лестницы. У него не было времени на такие вещи, ему нужен был путь. Вместо лестницы, ведущей наверх, его встретила другая стена.

На ее поверхности было написано;

"Это принадлежит тебе, но все пользуются этим", - пробормотал он, быстро повернувшись влево, чтобы посмотреть.

Стена из белого камня с загадкой перекрывала край плато, и Люциан крутанулся в другую сторону.

Еще одна стена.

Он посмотрел вверх.

"Оно принадлежит тебе, но все им пользуются" Люциан оказался в ловушке.

Он был заперт в коробке, предположительно вынужденный отвечать на эту загадку. И мальчик, несколько запаниковал, попытался ответить.

"Мои руки?" - произнес он вслух, медленно поворачиваясь во все стороны, чтобы увидеть, не исчезнут ли стены.

"Для работы, я кошу поля, помогаю Остусу и всем остальным", - попытался оправдаться он.

Изменений не было.

Не успел он заговорить снова, как Люциан едва не выпрыгнул из своей шкуры, когда за стенами его клетки раздался звук, похожий на скольжение.

Подойдя ближе, Люциан приложил ухо к камню и внимательно прислушался.

Это был звук царапанья... чего-то острого о камень.

Там что-то было.

Он отступил от каменной стены, еще раз взглянув на загадку.

"Мой... мой...", - звук царапанья усилился.

Когти.

Когти по камню Судя по звуку, то, что находилось за пределами его ловушки, пыталось пробраться внутрь.

"Черт", - выругался Люциан, схватившись за голову от разочарования.

Он не мог думать об этом.

То, что принадлежало ему, но также и всем остальным. Что принадлежало ему, но использовалось всеми его друзьями и семьей? Что принадлежало ему, что... Царапанье прекратилось, когда Люциан открыл глаза, и в его голове возник возможный ответ. Глупо было с его стороны не подумать об этом с самого начала.

В конце концов, это имело смысл.

В каком-то запутанном смысле.

"Мое имя?"

То, которым пользовались все, но которое принадлежало ему и только ему.

Люциан.

Моргнув, юноша чуть не опрокинулся навзничь от удивления. В одну секунду стены были на месте, а в следующую... исчезли.

Вместо лестниц и проходов стены распахнулись, открывая... лабиринт.

Взглянув вверх, Люциан слегка отшатнулся.

Над ним был... лабиринт, отражавшийся внизу над ним. Он также увидел себя, смотрящего на него в полном замешательстве.

...зеркало.

Небо отражало его.

...так думал мальчик, пока его зеркальное отражение не помахало ему рукой с улыбкой.

Сердце заколотилось, и Люциан отвернулся, сосредоточившись на том, что его окружало.

Было много направлений, в которых он мог двигаться, пять замурованных проходов, ведущих в другие ответвления и направления, которые... Проглотив изрядное количество страха, накопившегося в нем, Люциан сделал шаг вперед.

Маленький предмет, который он пнул, с грохотом упал на землю, немедленно вызвав писк страха и его внезапное внимание.

Маленький невинный кубик неподвижно лежал у одного из двух столбов среди множества путей и вариантов перед Люцианом.

Любопытно.

Мальчик подошел к коробке, приседая перед ней.

Он осторожно взял ее в руки и медленно поднял, чтобы осмотреть.

Когда голос заговорил, он звучал отовсюду. Из его головы, из стен и бесконечных путей перед ним, шипящий шум нельзя было игнорировать.

" Коробка взорвалась, вызвав крик мальчика. Из разлетевшихся останков вырвались сотни усиков, которые нашли части его рук, туловища, ног и лица, чтобы прикрепиться к ним.

Люциан мог только кричать от ужаса, когда они вонзались в его кожу, отделяясь от остатков коробки и проникая в него.

Он вцепился когтями в кожу, судорожно пытаясь соскоблить тонкие нити, похожие на ужасы синего и фиолетового цвета, которые впивались в него.

И тут пришла волна света.

Ослепительный и благотворный - вот единственные слова, которыми можно описать яркий взрыв.

Визг чудовища раздался эхом, даже когда ужасный вид Лабиринта был поглощен появившимся палящим солнцем.

И голос, возвестивший о его появлении: "ТЫ НЕ ПОЛУЧИШЬ ЕГО!".

В последнюю возможную секунду Линвуд выстрелил вперед, нацелившись на первую цель: Два других Таурокса.

Он приглушил все возможные огни на машине, подкрадываясь ближе в черном свете, пока не оказался в пределах 200 метров от собравшихся культистов.

Затем он дал полный газ, молясь духу машины их благородного транспорта о максимальной скорости.

Двигатель ответил на его молитвы, увеличив скорость, как никогда прежде.

Арбайты ринулись вперед.

Над ним, наполовину высунувшись из люка на крыше их машины, Кайус выкрикивал их боевой клич, бросая крак-гранаты и стреляя из своей лазерной винтовки, как только оказывался в пределах досягаемости для всех троих.

"За Императора!"

Их мчащаяся машина привлекла внимание культистов, даже настолько глубоко погруженных в еретические песнопения, как они. Удивительно, но многие из них успели пустить в ход свое дальнобойное оружие.

Кайус не дрогнул, когда Лазфайр ударил по машине, и над его головой пролетели алые болты.

"СМЕРТЬ ЕРЕТИКАМ!" - закричал он, и Линвуд присоединился к его реву с воплем.

Их Таурокс не останавливался.

Культисты, как муравьи, начали разбегаться, понимая, что эти безумные и одинокие имперцы планируют просто проехать сквозь них.

И в своей суматошной беготне, пытаясь избежать надвигающейся ярости арбитра, многие не успели уйти с дороги.

Автомобиль врезался в паникующую толпу, а его пассажир на вершине открыл лазерный огонь и гранаты.

Их внезапное появление отвлекло многих культистов от их песнопений, но некоторые остались.

Ритуал нельзя было прерывать.

Кайус прицелился в одного из таких культистов - фигура в плаще стояла почти в сорока метрах от него, склонив голову и не обращая внимания на происходящую резню.

"Предательская мразь!"

Даже двигаясь так быстро, как они двигались, болт Ласа летел прямо и точно, попав фигуре в голову.

Кайус уже швырял новые гранаты в толпу предателей, стреляя из своего оружия без разбора.

В результате грандиозных взрывов куски культистов разлетались в цветущие цветы огня и смерти. Протекторы "Тару" засасывали тела под себя, перемалывая их в своей давке в сторону вражеских машин.

Они быстро приближались к припаркованным "Таруокс", в которые пытались забраться и использовать некоторые из предателей-культистов. Их языческие товарищи все еще вели огонь по имперским штурмовикам, в то время как все больше и больше их сжигали протекторы машин арбитров.

Это была бойня.

Сквозь весь этот хаос, внезапные взрывы, из кабины внизу послышался приказ Линвуда.

"МЕЛЬТА!"

Младший Арбайт был готов.

"Есть, сэр!" Кайус радостно ухмыльнулся, вытаскивая одну из смертоносных гранат из под сумка над своей задницей.

Когда они приблизились на расстояние нескольких метров к первому транспортному средству, Кайус выпустил первую гранату в воздух. Она приземлилась на культиста Таурокса, на мгновение перекадилась, а затем легла сверху.

Отличный бросок.

Культисты попытались взобраться на машину, пытаясь достать гранату, пока не стало слишком поздно.

Вот только было уже поздно. Субатомная реакция гранаты Мелта достигла критической массы еще до того, как один из них успел взять ее в руки.

Яростная, извилистая и экспансивная волна тепла вырвалась наружу. Таурокс превратился в шлак, расплавив верхнюю половину. Культисты, окружавшие его? Их тела были поглощены волной жара, некоторые из них, находившиеся ближе всего к эпицентру, взорвались в мгновенной волне тепловой энергии.

Потребовалась еще секунда, чтобы двигатель вражеского "Таурокса" отреагировал на этот внезапный источник взрывной силы. Машина взорвалась, разбрасывая культистов без разбора. Некоторые из них лишились конечностей, опаленных внезапным взрывом, другие упали на землю, ошеломленные или мертвые.

Это был полный хаос.

Взрыв, не повредив Имперского Таурокса, все же слегка потрянул его, что сбilo Кайуса с его довольно искусного прицела.

Легкий толчок подбросил его вверх, заставив выпустить второй заряд Мелты на секунду раньше.

"ЧЕРТ!" прорычал Кайус, восстанавливаясь и продолжая стрелять.

По воле судьбы, брошенный заряд Мелты не угодил в другой Таурокс, управляемый Хаосом, а упал на землю, подкатившись под машину.

Культисты, видевшие смерть своего первого захваченного транспорта, не учли это изменение броска, а значит, двое, стоявшие наготове, чтобы поймать заряд на Тауроксе, были совершенно бесполезны.

Взрывчатка покатила к остановке под ними, а не к ожидаемой цели.

Кайус и Линвуд уже пронеслись мимо машины, прокладывая себе путь в центр маленького круга культистов.

Позади них показалась их работа.

Во время второй волны огня броневик не смог противостоять взрыву, пришедшему снизу.

Кайус инстинктивно прикрыл глаза, когда раздался взрыв гораздо большей силы.

"Превосходный бросок!" прокомментировал Линвуд, скрежеща машиной и останавливаясь рядом с алтарем, на котором лежал мальчик.

"Э... да!" подтвердил Кайус. Именно так он и планировал. Запустив в медленно приходящих в себя членов культа то небольшое, что у него осталось, он крикнул Линвуду: "А теперь бери этого мальчишку, старик!".

Выжившие культисты настигли бы их в считанные секунды.

Линвуд выскочил из главной кабины "Таурокса", пистолет "Болт" был поднят в его бионической руке, ярость расплылась по его лицу.

Его роботизированный глаз, казалось, светился ярче, чем обычно. Когда он спрыгнул на землю, его сапог размозжил череп потрясенного и приходящего в себя члена культа.

Не обращая внимания на грязь под собой, Линвуд прорычал вслух.

"Я НЕ. СТАРЫЙ!"

Кайус нагло рассмеялся над этим боевым кличем.

Линвуд бросился в адское пространство, стреляя по ближайшим целям, которые только мог заметить, и не спеша бросил гранату в левой руке как можно дальше.

Алтарь из даэмонического светящегося камня находился всего в нескольких метрах от него.

Его глазам все еще удавалось разглядеть то, чего они с Кайусом добились.

Они превратили собрание культов в зону активных боевых действий. Взрывные отверстия теперь разбросаны по всему пространству. Трупы и куски человеческих останков и внутренностей лежали на пропитанной кровью земле. Вопли и крики мертвых и умирающих

дополняли пожары. Два горящих обломка некогда гордых имперских машин.

Пистолет Линвуда выплюнул еще больше взрывчатки, срубив еще трех культивистов, которые имели наглость броситься на него.

Те, у кого было оружие, все еще были сосредоточены на жадно стреляющем и кричащем Кайусе.

"ИДИТЕ И ВОЗЬМИТЕ МЕНЯ, ЕРЕТИЧЕСКАЯ ГРЯЗЬ!"

Всего за несколько коротких шагов Линвуд настиг мальчика.

Не колеблясь, он протянул вперед свободную руку и схватил юношу.

Он спасет его или умрет, пытаясь спасти.

Время было крайне важно.

По всему кораблю раздавались сигналы тревоги.

Небольшие команды прочесывали каждый уголок на предмет присутствия демонов, но с основной массой вторжения было покончено.

Передовой отряд "Бури" будет в реальном пространстве в течение часа.

"Вы будете рады узнать, Астартес, - улыбнулся Воунус Каэде, подойдя к лучшим воинам Императора, - что единственной жертвой стала гордость десантника Миллока Брандера" Его коллега-псайкер, библиотекарь Аэтод, выглядел крайне озадаченным.

"Его гордость, милорд инквизитор?" - спросил Астартес в замешательстве.

Они собрались вокруг того, что осталось от мертвых демонов.

Битва за Медиас Бури была решительной победой. Шесть ветеранов Астартес были более чем достойны орды жаждущих демонов.

Воунус еще мгновение смотрел на останки мертвого демона, прежде чем ответить великому воину.

"Раненый обитатель Медицеи, - пояснил Вовнус, убирая меч в ножны, - храбрый солдат решил, что он нужен своей армии.

Он быстро встал на ноги, а затем потерял сознание из-за потери крови в предыдущей битве". Треск вокса привлек внимание всех справа.

Молчаливый член отряда, Доминус, казалось, смущенно отвернулся. Теперь Вовнус понял, что этот звук был фырканьем юмора.

"А гвардеец, он в порядке?" - спросил теперь уже без шлема капитан Джермаэль. Его шлем был пристегнут к поясу, пока он осматривал свой клинок.

Усмешка Доминия отвлекла капитана от осмотра снаряжения, а затем и от разговора, который пытался завязать инквизитор.

"Ничего, кроме уязвленного самолюбия, капитан", - заверил Воунус, слегка искажив выражение лица капитана.

Джермаэлю потребовалось мгновение, чтобы понять взгляд инквизитора. Взгляд, которому подражали его боевые братья, в шлемах и без.

Они хотели знать, почему он, один из Адептус Астартес, так беспокоится за простого смертного.

Лицо Джермаэля ожесточилось, когда он объяснил.

"Он сражался рядом со мной на Грифонне II, заступившись за удар, предназначенный мне". "Во время осады", - произнес сержант Радуриэль, наклонив шлем в явном воспоминании. "Я помню его сейчас, он довольно глупо атаковал еретика зарядом "Мельта", - Джермаэль так стремительно надвинулся на своего сержанта, что Воунус сделал нерешительный шаг назад.

Хотя Астральные Рыцари были Космическими Пехотинцами, и вполне дружелюбными, когда все соглашались на одну и ту же тему... их нетипичный способ решения разногласий был... ну, опасным.

"Смелый поступок", - голос Джермаэля активно просил Радуриэля сомневаться в нем, - "который привел к почти смертельной ране". Безумный подрывник заколол солдата. Воунус тоже это помнил. И хотя он не хотел говорить об этом вслух, он был согласен с Радуриэлем. Были и более простые способы справиться с заряженным камикадзе.

" Глупый поступок. Ты был невероятно способен просто пнуть этого заряжающего безумца" Прежде чем Джермаэль успел ответить, Воунус решил, что ему нужно вмешаться. Его голос инквизитора, серьезный и официальный, окрасил его слова.

"Капитан. Сержант", - оба повернулись и посмотрели на Воунуса, понимая, что с ними говорит командир. "Если вы хотите уладить свои разногласия друг с другом, я прошу вас сделать это вне поля зрения моих солдат. Мораль - сложная вещь, и если Астартес подозревают в междоусобице, я не хочу думать, как это может беспокоить гвардейцев" Они не ответили сразу.

Воунус нахмурился.

Тишину нарушил Джермаэль.

"С вашего позволения, лорд инквизитор" В следующую секунду он и Радуриэль топали прочь, исчезнув из виду через несколько мгновений.

Воунус вздохнул с легким облегчением, сняв свою остроконечную шляпу, чтобы расчесать мокрые от пота волосы: "Остальные тоже свободны". Доминус немедленно удалился, тихо следуя в том направлении, куда ушли его капитан и сержант. Воунус позволял молчаливому и стойческому Астартес редко обращаться к нему.

Он слышал эти истории. Аэтод рассказал ему о том, что пришлось пережить Доминиусу ради своего Капитула.

Тиберек и Рамин прошли мимо инквизитора бок о бок друг с другом, оба повторяя слова своего капитана.

" С вашего позволения, милорд инквизитор, - кивнул им обоим Воунус, шутливо сказав:

"Пожалуйста, проследите, чтобы они не убили друг друга, я бы не хотел иметь дело с разъяренным Тэйдом в это время". Вовнус не был уверен, кто из них рассмеялся, но один из них рассмеялся.

Вскоре они ушли, оставив его с Аэтодом.

Более крупное существо шагало рядом с инквизитором, шляпа которого снова гордо возвышалась на его голове.

"Ваша глава ставит меня в тупик, - усмехнулся Аэтод, - я могу только представить. Мы не первые Астартес, с которыми вы пересекаетесь".

Ваунус кивнул, его взгляд переместился на строение Медикэ.

Гвардейцы медленно выходили из здания, по одному или по двое. Их движения были усталыми и изможденными, но не совсем помятыми или измученными.

Это было напряженное путешествие через имматериум.

Некоторые махали ему рукой, другие смотрели на разоблаченного Аэтода широко раскрытыми глазами.

"Нет, - ответил Воунус, хотя Аэтод уже знал это, - но ты первый Библиотекарь, которого я когда-либо встречал", - Аэтод невесело улыбнулся.

"Псайкеров боятся и поносят во всем Империуме, инквизитор Каэде. Большинство глав презирают существование даже своих собственных псайкеров", - серебряные глаза посмотрели на человека, о котором шла речь, - "Вы знаете это", - пробурчал Воунус, но ничего не сказал.

Аэтод повернулся и посмотрел на гвардейцев. Он слышал приказы, которые им отдавали комиссары и их офицеры. Они возвращались к своим койкам, готовые к возвращению в реальное пространство и вероятности еще одной командировки.

Большая рука в перчатке успокаивающе легла на плечи меньшего псайкера.

"Это не их вина, Воунус. Человеку лучше бояться Варп и всех его аспектов, чем принимать его так охотно", - устало вздохнул Воунус, не сумев возразить на логику старшего воина.

Аэтод был невероятно жизнерадостным человеком, пусть и несколько изгоем среди своих братьев.

Доминус был, пожалуй, его самым близким другом, но они почти никогда не разговаривали вне боя.

Все они были странной компанией, и Вовнус знал это. Судя по небольшим дуэлям, которые они постоянно устраивали друг с другом буквально по любому поводу, что, очевидно, соответствовало традициям их Гвардии, Воунус знал, что они не принесут в его жизнь ничего, кроме развлечений и осложнений.

"Позвольте спросить, милорд, - начал Аэтод, его рука на мгновение покинула плечо Вовнуса, - что ждет нас на Гелиосе?"

Каэдэ разразился смехом, быстро изложив свои ожидания: "В лучшем случае, псайкер, который совершенно не поддается контролю" Объяснив ситуацию, Вовнус начал уходить. Ему

нужно было побеспокоить капитана.

"А в худшем, милорд?"

Воунус остановился, повернувшись лицом к Аэтоду.

Оба держали друг друга в поле зрения. Они не пытались проникнуть в мысли друг друга, просто смотрели, насколько один готов уважать другого.

"В худшем случае... самый могущественный смертный псайкер в Империуме", - Воунус не стал потакать выражению лица Аэтода, широко раскрытые глаза с выражением неверия были неподобающими для космического пехотинца.

В конце концов, каким бы скептическим ни казалось его заявление... Воунус никогда в жизни не был так серьезен.

Несмотря на то, что свет был ярким, он не причинял боли. Несмотря на то, что Люциан закрыл глаза, он не отшатнулся.

Даже если он больше не стоял на твердой земле, он не метался.

Если этот странный яркий свет и сообщал ему что-то, так это то, что все в порядке.

Все было в порядке.

"АХ!" шипел Линвуд, его рука горела от боли при мгновенном контакте с формой мальчика.

Инстинктивно арбитр отдернул свою ошпаренную плоть, уловив момент, чтобы выстрелить в предателей, которые скользнули к нему.

Юный Люциан корчился на алтаре, словно по его нервной системе плясало чистое электричество, его позвоночник вздымался в воздух, когда он боролся со своими узами.

"Поторопись!" зарычал Кайус на Линвуда.

У младшего арбайта заканчивались гранаты. Это было очень плохо, учитывая, что сектанты, потрясение снарядами, медленно, но верно реформировалась после первоначального шока и трепета.

Скоро они настигнут их.

Линвуд напрягся, когда судороги мальчика, казалось, улеглись. Он мог видеть вены ребенка, теперь набухшие и выступающие на его коже.

Если Линвуд угадал, это была одержимость.

Не при нем.

Не после всех этих усилий.

"Волей Императора, мальчик, ты пойдешь с нами!" - он снова протянул руку вперед.

Его рука коснулась Люциана.

И тут его мир изменился. Свет отступил на удобное расстояние, и Люциан открыл глаза, увидев вполне знакомое ему зрелище.

Перед ним простирались бесконечные золотые поля пшеницы и зерна, посева Гелиоса.

Повернувшись на ногах, мальчик посмотрел во все стороны.

В свете солнца во всех направлениях виднелись великолепные золотые тростники, длина которых достигала лишь груди Люциана.

Он не мог видеть ни города-улья, ни его окрестностей. За это мальчик был ему благодарен. Он всегда считал, что они загромаждают прекрасный вид его мира.

Но... он также не мог видеть и свой дом.

Это было не очень хорошо.

Он слегка нахмурился, гадая, что ему суждено здесь делать.

Или какое неприятное испытание последует за этим.

Вместо этого сзади него раздался голос.

"Люциан?"

Он замер на месте.

Он знал этот голос.

Такой дорогой его сердцу и успокаивающий его душу, он никогда не думал, что услышит этот голос снова.

Резко повернувшись, он был вне себя от радости при виде того, что его встретило.

Среди колышущихся полей стояла Алена.

Его мать. Одета в прекрасное белое одеяние, ее волосы свободно струились под легким ветром великих равнин Гелиоса.

И Люциан даже не колебался.

В безумном порыве он бросился к улыбающейся женщине и налетел на ее талию, крепко обхватив ее руками.

Она встретила его столкновение, обняв мальчика и прижав его к себе.

"Мама", - прошептал он, из его глаз потекли струйки слез.

"О, Люциан", - сказала Алена, и только улыбка на ее лице заставила юношу еще больше зарыться лицом в ее живот, его руки отчаянно хватались за материал, из которого она была одета.

Он не хотел отпускать ее.

Он не потеряет ее.

Только не снова.

Нежная рука погладила его по спине, пока он беззвучно плакал.

"Там, там", - шептала она ему, единственное существо в безмятежном покое равнин, - "там, там". В конце концов, слезы удалось взять под контроль, и, слабо фыркнув, Люциан отстранил голову от нее.

Одного взгляда на ее лицо было достаточно, чтобы из его глаз вытекло еще несколько капель, но мальчик улыбнулся ей самой яркой улыбкой.

Люциан на несколько мгновений потерял дар речи. Там, где его юный разум подвел его, его сердце, наконец, решило сказать правду.

"Я скучал по тебе", - слегка икнул он.

Алена присела, улыбка все еще украшала ее лицо.

Рука поднялась, чтобы вытереть его лицо, медленно удаляя разводы слез. Смутившись, Люциан повернул голову, также пытаясь убрать следы своих слез.

"Мой милый мальчик, - наконец сказала Алена, - я тоже скучаю по тебе". Более собранный, чем прежде, Люциан наконец решил один вопрос из тысячи, которые у него были.

"Можем ли мы теперь пойти домой?"

Смех Алены был почти музыкальным, но она печально покачала головой.

Люциан нахмурился, его голос был тихим и обеспокоенным: "Почему бы и нет?".

Улыбка Алены превратилась в ухмылку, которая скрасила мрачное настроение Люциана.

"Потому что, маленький негодник, тебе еще столько всего предстоит сделать", - опешил Люциан.

"Так много?"

Алена кивнула в знак согласия, повторяя за ним слова с радостным утверждением.

"Так много" "А ты?"

Вопрос вызвал изменение в выражении лица Алены. Улыбка немного уменьшилась, глаза еще больше смягчились.

Однако она не ответила на вопрос, вместо этого сказав;

"Однажды тебе суждено совершить великие дела, Люциан. Великие дела.

Все человечество рассчитывает на тебя", - не получив ответа, продолжал Люциан.

"А как же ты?"

Алена печально вздохнула, проведя большим пальцем по щеке мальчика.

"Я помню момент, когда ты родился", - медленно произнесла она, протягивая руку юноше.

Люциан взял ее, его глаза были устремлены только на нее.

"Ты был таким маленьким. Я могла держать тебя одной рукой. Я видела, как ты рос, улыбался, смеялся и играл... Я поняла, что даже когда я была обязана вырастить тебя, - они медленно шли через колышущиеся поля, - ты был моим сыном. Мой драгоценный маленький мальчик. Это я выбрала тебе имя... ты знал об этом?"

Люциан покачал головой, его мать улыбнулась, ее глаза были устремлены к горизонту, очевидно, она думала о давно прошедших воспоминаниях.

"Я так и не успела тебе рассказать", - заметила она, и радость постепенно покинула ее лицо.

В конце концов они остановились, и Алена осторожно вынула свою руку из руки Люциана.

"Мама?" - обеспокоенно спросил он. Он попытался двинуться к ней, но обнаружил, что не может. Его ноги казались... связанными.

Она повернулась и посмотрела на него, ее глаза блестели от слез.

Свет за ее спиной, который Люциан принял за солнце, начал светиться все сильнее.

"Каждый день, каждый миг, проведенный с тобой, был благословением, сын мой", - она отошла от него, медленно двигаясь назад к свету.

"Мама!" позвал Люциан, "вернись!".

"У тебя доброе сердце, Люциан", - несколько слезинок начали катиться по ее лицу, - "Я верю в тебя, что ты хорошо им распорядишься" "Пожалуйста!" Люциан закричал, пробираясь вперед, пытаясь дотянуться до нее. Его руки не двигались из-за спины: "Я не могу потерять тебя снова!"

И по мере того, как солнце набирало силу и мощь, всепоглощающий свет поглотил Алену Иналик.

Но ее голос прозвучал в последний раз, даже когда ее тело растворилось в свете.

"Я люблю тебя" Когда Линвуд коснулся мальчика, глаза ребенка открылись, и из его горла вырвался крик.

"Мама!"

Моргнув от неожиданности и поняв, что его рука не пострадала при второй попытке, Арбайт сместил хватку и оторвал мальчика от Алтаря. Одним движением он взвалил мальчика на плечо.

Линвуд тут же развернулся и помчался обратно к тауроксу.

Арбитр не мог разобрать детский лепет, но поскольку мальчик был явно шокирован своим внезапным и нынешним положением, Линвуд проигнорировал его слова.

Вместо этого он сосредоточился на волне культивистов, несущихся к нему.

Их крики и вопли доносили до его ушей какофонию еретического шума.

Один крик привлек его внимание.

Крик, который заставил его зарычать. Уши кровоточили.

Слова были бессмысленными, вероятно, это был какой-то проклятый язык.

Колдун.

Он заметил фигуру, пристально глядящую на Таурокса.

Рука была поднята над их машиной.

Даже когда его болтер был поднят в направлении ублюдка в капюшоне, он крикнул своему другу: "Кайус! Прыгай!"

Другой арбитр, не почувствовав или не услышав потенциальной опасности, не увидел колдуна, в которого целился Линвуд.

Однако его слишком громкое предупреждение всколыхнуло чувства Кайуса.

Не раздумывая, мужчина отпрянул от Таурокса, отпрыгнув от машины. Когда гравитация взяла верх и человек кувырком полетел к земле, он никогда не сможет оценить, как чисто он только что увернулся от смерти.

Толстый болт варп-света пронесся по воздуху, вонзившись в машину и задев ее двигатель.

Взрыв отбросил Кайуса еще дальше в воздух. Шлепаясь о землю, младший арбитр покатился по израненной битвой земле, пока не остановился. Всего в нескольких футах от Линвуда и мальчика.

Колдун проследил за ним - и увидел ствол болтера, направленный прямо на его лицо в капюшоне.

Линвуд злобно усмехнулся, когда его оружие выстрелило. Голова колдуна исчезла в клубах крови и жидкой субстанции.

Однако другие культисты уже двигались. После уничтожения машины и укрепления позиции, которую она предлагала, они воспряли духом.

"Вставай!" огрызнулся Линвуд на своего дезориентированного друга, которому едва удалось сесть.

Кайус еще раз споткнулся, но все же встал на ноги.

Его винтовка, потерянная где-то во время поспешного бегства, была быстро заменена пистолетом Ласа в каждой руке.

Линвуд с легким дискомфортом наблюдал за тем, как оставшиеся культисты, которых все еще было очень много, начали окружать их.

Большая масса замаскированных голов и закрытых фигур жестоко размахивала своим оружием.

Никто из них больше не стрелял в двух арбитров.

Линвуд понял, что это, скорее всего, объясняется тем, что им нужен ребенок целым и невредимым.

Поэтому, прежде чем они неизбежно ринулись вперед, Линвуд сдернул ребенка с плеча, бросил его на землю и направил на него свой болтер.

Мальчик все еще был растерян, его глаза пытались понять, где он находится. Дезориентирован и растерян... не лучший способ умереть.

Но и не худший.

"Пусть Император примет эту бедную душу в свои теплые объятия", - произнес Линвуд вслух, открывая свое намерение всем присутствующим.

Толпа зашевелилась, и пронзительный голос закричал: "ПОСТОЙТЕ!".

Странная тишина повисла между двумя фракциями, окруженными имперцами и колеблющимися последователями Хаоса.

Это был единственный шанс, который Линвуд мог получить.

Посмотрев на Люциана, он принял окончательное решение. Культисты не позволят сбежать ни ему, ни Кайусу. Лорд-инквизитор еще не прибыл.

Но Линвуд знал, что мальчик играет важную роль во всех планах Хаоса. Поэтому, если он хотел помешать культу, пока они не выследили его и Кайуса, у него был только один выход.

"Я дарю тебе милость Императора", - его палец потянулся к спусковому крючку болтера.

Ствол все еще был направлен на голову ребенка.

Люциан, вспомнил Линвуд. Его звали Люциан.

"УБЕЙТЕ ЕГО!" - неистово завопил голос.

Культисты бросились вперед, и Кайус с Линвудом, стоявшие бок о бок, поняли, что это будет их смерть.

Они встретят ее с гордостью.

И тут... Это случилось.

" Милорд Инквизитор, - обратился пилот "Валькирии" к боевой рубке своего корабля, но в первую очередь он обращался к своему лидеру, - мы прибываем к месту назначения. Это похоже на зону боевых действий внизу, милорд", - судорожно ответил Ахмаззи. Ну, настолько бешено, насколько позволял его рост: "Что ты видишь, Гаррибус, расскажи мне подробности?" Пилот на мгновение замолчал, и Ахмаззи представил, как тот тщательно сканирует место назначения.

" Здесь много мертвых. Земля усеяна телами. Я вижу три уничтоженные машины, Имперские Тауроксы, выживших явно нет" Ахмаззи склонил голову, а Денекс облегченно вздохнул.

Для Псайкера маленький монстр был мертв. Для Инквизитора две храбрые души были преданы Импе..." Остановитесь!" - продолжал голос пилота, - "Три фигуры, двое мужчин и ребенок.

Двое мужчин, похоже, занимаются кем-то на земле. Ребенок находится в стороне от них. Простите, мой господин, я не могу ясно видеть с этого расстояния", - Ахмаззи вздохнул с потенциальным облегчением. Если эти двое были арбитрами, то они совершили невозможное.

Денекс, однако, закрыл глаза и открыл разум.

Даже когда Ахмаззи приказал их кораблям немедленно приземлиться, псайкер смотрел в варп.

Там, внизу, действительно находился ребенок, а также имперские силовики, Кайус Хеликс и Линвуд Декулус... Но он чувствовал пятно силы, дрожащие волны Имматериума, который только что перестал пениться именно в этом месте.

Что бы здесь ни произошло... из этого могло выйти только плохое.

Остус Барроу умирал.

Он знал это. Два имперца, которые пришли спасти мальчика, знали это.

Они все это знали.

Кроме юного Люциана. Усталый и тихий ребенок сидел рядом с истекающим кровью и разбитым телом Остуса. Мальчик смотрел сонным взглядом на больших имперцев, стоявших над его сгорбленными коленями.

Мужчины, которые были слишком напуганы мальчиком, чтобы подойти к нему.

После того как... это случилось, мужчины отправились на поиски выживших. Единственные, кто еще дышал после урагана, пронесшегося по убогому пространству, были они и Остус.

...которому недолго оставалось жить.

Из рук мужчины вынули колья, и он сел так удобно, как только мог.

Хотя он предпочел бы перебраться с еретического куска камня, на котором лежал Люциан, у него не было сил стоять, не говоря уже о том, чтобы его несли.

Он больше не чувствовал ног.

Все болело.

Пока арбайты молча шли прочь, спокойно изучая остальных семерых, прикованных к земле, Остус издал булькающий влажный кашель, привлекая внимание Люциана.

"Люциан, мальчик мой", - проворчал он, и мальчик, хоть и усталый и встревоженный, встал.

Его пути были разрезаны, что позволило ему свободно двигаться. Пользуясь свободой движений, он шагнул к Остусу, утихомиривая его.

"Береги силы", - пробормотал Люциан, его взгляд, естественно, был обращен к окровавленному и покрытому синяками лицу Остуса, - "помощь придет". У Остуса не было сил возразить мальчику.

Он просто медленно покачал головой.

"Ну же, крутой ублюдок", - шипел Люциан, его глаза были туманны, но непоколебимы. В этот момент Барроу в последний раз восхитился юношей.

Юноша его возраста, так близко познакомившийся с ужасами войны и смерти, так близко познакомившийся с разрушениями, которые его окружали.

Остус не имел ни малейшего представления о том, почему Люциан был захвачен культом... но, видя, что мальчик сделал с ними, он мог догадаться.

Страх, однако, был самым далеким от мыслей бригадира в этот момент.

Он с содроганием вдохнул воздух.

Его язык и рот смогли создать слова, хотя его разум медленно темнел.

"Не стоит... ругаться", - попытался он пробормотать, но слова были слабыми и мокрыми от крови.

Голова Люциана опустилась на разбитое и кровоточащее плечо крупного мужчины, и только Остус услышал слова, вырвавшиеся из его уст.

"Не оставляй меня... не оставляй и ты..." С теми небольшими силами, что у него остались, Остус поднял свою правую руку и положил ее на затылок мальчика, стараясь как можно ласковее погладить его.

"Все в порядке", - пробормотал он, - "Со мной все будет в порядке". Ему удалось немного посмеяться над этим, даже когда Люциан поднял на него глаза, ужаснувшись попытке юмора.

Потребовалось огромное усилие, чтобы посмотреть Люциану в глаза.

"Хороший мальчик", - пробормотал Остус, его глаза затрепетали, когда его рука опустилась на плечо Люциана. "Подними подбородок... сделай... сделай... сделай... чтобы твоя мама гордилась тобой". Мужчина начал медленно наклоняться вперед, не сводя взгляда с мальчика. Его некогда могучая сила покидала его.

"Сделай мне одолжение... парень?" - ворчал он. Он закрыл глаза, даже когда свет начал приближаться к нему. Слишком яркий. Как человек мог выспаться при таком освещении?

"Что угодно", - заикался Люциан, - "просто останься". Рука Остуса соскользнула с плеча Люциана.

"Я... вздремну" "Остус!"

"Разбуди меня... для... моей смены" Его грудь снова вздымалась. Звук ревуших двигателей был далек от его слуха.

"... не... хочу... опоздать..." Голова мужчины наклонилась вперед. Он не упал назад или в сторону. Он остался сидеть, склонив голову, как человек в молитве.

Его грудь опустилась, в последний раз.

Люциан отпустил его, упал на спину и сел в грязь, глядя на великого человека, которого однажды назовет отцом.

Старший Арбайт молча наблюдал за всем этим, пока младший занимался найденной ими девушкой.

Она будет жить. Просто. Прибывшие валькирии позаботятся об этом.

Но Остус?

Он отправился туда, куда ушли все его отцы и отцы его отцов.

Остус Барроу, храбрый и верный человек, герой в своем собственном праве... умер в мире.

AN: Прошу прощения, что этот рассказ занял так много времени по сравнению с остальными.

По мере того, как история все больше уходит от концепции и расширяется во вселенную 40k, мне приходится проверять факты и читать историю.

Вархаммер очень обширен, лол.

Надеюсь, вам понравилось, потому что впереди еще много интересного.

Берегите себя.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/89808/2876005>